

The Pier

G Q

Причал

«Автор»

2026

Q G.

Причал / G. Q — «Автор», 2026

Они встретились случайно. Или не случайно. Один вечер изменил всё. Или не изменил ничего. Два рассказа о том, что остаётся после того, как слова сказаны. И о том, что иногда тишина - единственное, что мы можем дать друг другу.

Содержание

Причал	5
В твоём возрасте	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

G Q Причал

Причал

- Подходите скорее! – один из членов экипажа стоял у трапа, придерживая шляпу, - Добро пожаловать в наше увлекательное путешествие, полное тайн и небывалых событий, которые Вас ждут!

Голос разносился над гаванью Ниццы. Утреннее солнце заливало палубу золотым светом.

- Ну же, Мартин. Ты слышал? – Амелия окинула взглядом мужа. Ее светлые волосы под легким порывом морской свежести на мгновение заполонили его кругозор.

- Слы..

- Возьмите газету! - прервав Мартина на полуслове, мальчик вытащил из потертой сумки стопку бумаги.

- Свежие новости? – поинтересовалась Амелия.

- Да, - чуть всхлипнув, он протянул порванный рукав рубашки, из которой выглянула крохотная ладонь.

- Сколько?

Мальчик на секунду замялся, переминаясь с ноги на ногу по горячему настилу.

- Пятнадцать лир.

Мартин улыбнулся и ласково посмотрел на жену.

- Когда будет грустно, газета отвлечет, - настаивал он.

- Мы тебе верим, но не так сильно, чтобы из-за этого задерживаться на корабль, - парировала Амелия.

Подле громоздящегося судна стояла толпа молодых людей, чьи лица выказывали начало новой страницы в своей жизни. Продавцы навязчиво предлагали им свои товары. Под гулом уличного шума их слова едва можно было выловить. Здешнее небо пестрело чайками. А море, образуя белую пену, наводило мастерские узоры на влажный берег.

Палуба мелко завибрировала – стальные тросы натянулись, отдавая швартовы. Земля медленно поползла прочь.

На променаде Чарли, когда-то впитавший южную беззаботность, искал возможность перевести дух. Взяв жену под руку, он думал о том, чем ему заняться. В привычной для себя манере он одернул голубой воротник рубашки и забрал со стола прохладную бутылку сови-ньона.

Мишель посмотрела ему вслед.

- Ты так и не зашел в нашу каюту?

Солнечные блики легли на скулах Чарли.

- Нет.

- С каждым днем ты все дальше от меня, - сухо произнесла Мишель, откинувшись на спинку шезлонга.

Мимо по палубе растерянно сновали гости, пытаясь отыскать свои номера. Обрывки чужих разговоров звонким эхом отдавались в голове, мешая Чарли подобрать нужные слова.

- Как давно ты это поняла?

Он тяжело оперся о фальшборт.

- С тех пор, как ты перестал обо мне заботиться. Это тревожило меня давно, Чарли, - на ее лице проступило раздражение, пальцы побелели, сжимая подлокотник шезлонга, - Я не могла тебе раньше этого сказать. Правда. Но теперь я вижу твою отстраненность во всем.

Он криво ухмыльнулся. Солнечные блики по-прежнему прыгали по его лицу. У причала смеялись пассажиры; их радость казалась Чарли оглушительной и чужой.

Он пригладил взъерошенные волосы. Сжимая в ладони прохладное стекло бутылки, он открыл рот, чтобы возразить Мишель, но ее голос резанул слух:

- Тем не менее, - чеканила она, - эту ссору начала я. Мне ее и заканчивать, - Она сцепила пальцы на коленях и демонстративно отвернулась. Там, у борта, молодая пара копалась в чемоданах. Женщина, совсем юная Амелия, боролась с пронизывающим ветром, пытаясь уложить растрепавшиеся пряди. Мишель вдруг узнала в ней саму себя - ту, какой была еще недавно, свободную от тяжести собственных чувств.

Небо сияло равнодушной синевой. Ровный гул двигателей отдавался легкой дрожью в палубе, бросая в лицо горячие пятна. Внутри всё натянулось стальной струной, уходящей куда-то в ледяную пустоту.

На миг в ее голубых глазах отразилась глухая обреченность, и в самом центре этой картины стоял Чарли. Их связывали агентства, контракты и гонорары - безупречная витрина для публики. Но то, в чем нуждался обычный человек, замыкалось лишь в мерном дыхании прилива и било по нервам сильнее удара профессионального боксера.

Чарли наполнил вином два бокала, протянул один жене и рухнул в соседний шезлонг. На лбу выступила испарина.

- Тебе не кажется, что копать в себе сейчас - паршивая идея? - выпалил он.

Мишель вздохнула.

- Я хотела бы с ними познакомиться, - произнесла она, даже не повернув головы.

Оторопев, Чарли присмотрелся. У борта стоял крепко сбитый мужчина лет тридцати и девушка, чье присутствие делало эту пару пугающе настоящим. Ему почудилось, что они были собраны как идеальная декорация. Его собственный взор заledenел, но тут же, почти незаметно для самого Чарли, начал оттаивать. Краска прилила к лицу. На этот раз он понял всё: он потерял жену, еще не успев ее потерять. Отпустил, сам того не осознавая. Она превратилась в набросок, в эскиз его личного мироздания.

- Ладно, - выдохнул Чарли.

День прошел незаметно, растворившись в смене блюд и монотонном плеске волн. Перламутровый рассвет давно перетек в густой вечер. Мартин и Амелия сидели за открытым столиком на корме, провожая глазами улетающих птиц. Их вольный полет словно наполнял стальной корабль забытым дыханием жизни.

Фонари, аккуратно расставленные у каждого кресла, казались отражением далеких звезд. Перед ними колыхался потаенный мир обрывочных фраз, которые то и дело смывал шлейф беспокойного моря.

Внезапно рядом возникла тень. Мишель подошла первой. Усталость стерла с ее лица обычную профессиональную полуулыбку. Чуть позади стоял ее муж.

- К вам можно присоединиться? - голос Чарли звучал непривычно низко.

- Присаживайтесь, - разрешил Мартин, подвигая свободный стул.

Амелия молча кивнула.

Чарли щелкнул пальцами, подзывая официанта. Спустя минуту на столе появилась бутылка шотландского виски и тяжелые глянцевые бокалы.

- Что вас привело на круиз? - прищурился Мартин, разглядывая собеседника.

Мишель задумчиво помешала лед в бокале, слегка оживившись:

- Скука.

- Или желание уйти от ответственности, - заключил Чарли.

- А мы давно никуда не выбирались, захотелось чего-то нового. - Амелия прильнула к плечу мужа. - Время бежит так быстро, что я не успеваю насладиться жизнью. О чем бы мы ни договаривались, всё равно откладываем. Кажется, вчера был понедельник, а сегодня почему-то пятница посреди моря.

К тому моменту, когда молчание стало гуще любых слов, подошел официант. Он наполнил бокалы и выложил перед мужчинами тяжелые портсигары.

- Крепкие. Высший сорт, - заключил он.

- Достаточно крепкие, чтобы забыться? - осведомился Мартин.

Официант кивнул и удалился. Чарли понимающе поднял бокал.

Сквозь сизый табачный дым Мартин разглядел, что незнакомцы за соседним столом старше их компании. Впрочем, куда больше его занимал сам Чарли. В его осунувшемся лице Мартин видел собственное будущее, мириться с которым отчаянно не хотелось. Очередная затычка разлилась по гортани. Всё вокруг казалось подделкой: обстановка, поздний час, чужой разговор людей. Взглянув на Мишель, он отчетливо различил в ее чертах необратимый трагизм уходящей молодости.

Амелия украдкой посмотрела на нее. На секунду их взгляды встретились. В глазах одной читалось глухое, почти благодатное облегчение; в другой - призрачная тень надежды.

Мишель протянула руку к бокалу. Лицо, некогда утонченное, исказилось на стекле.

Рядом с мужчинами разговоры случались редко и быстро гасли. Любое касание глубокого замыкалось в тишине. Они беспросветно глотали бокал за бокалом. Женщины, напротив, знали о глубоком всё, не размыкая губ.

Спустя какое-то время Мартин и Чарли двинулись на разноцветные огни набережной. Оставив спутниц наедине с упоительной ночью, они долго бродили вдоль борта, перебрасываясь бессмысленными шутками - оба были уже заметно пьяны. Заглянув в пустой полутемный салон, они коротко переговорили с заспанным стюардом и вернулись обратно. Мартину стало легче дышать от этой странной свободы, а Чарли же переполняло хмельное предвкушение.

У шлюпочной палубы они наткнулись на стайку девушек. Стараясь обойти их стороной, мужчины услышали вслед взрыв заразительного смеха. Обернувшись на звук, Чарли оступился и непроизвольно толкнул дверь ближайшей каюты.

Минуты тяжело оседали на плечи Мартина. Внутри росло незнакомое, обжигающее чувство: палуба уходила из-под ног, а интуиция гнала его к номеру Амелии. Ноги сами привели его к двери, где в густой тишине едва угадывалось чужое дыхание - оно показалось до боли похожим на дыхание жены. Он рванул ручку. Из темноты выступила фигура.

Между тем звуки шагов и приглушенный смех стихли за спиной Амелии и Мишель. Оставив мужчин разбираться с портсигарами и собственными призраками, они молча завернули за угол главной лестницы. Разговоры других пассажиров едва слышно звучали вокруг, сливаясь в ровный фоновый гул, который лишь подчеркивал их одиночество. Они спустились на среднюю палубу и вышли к открытой зоне, где каждый мог насладиться первозданной свежестью уходящей ночи.

В легких туфлях они подошли к террасе. Прохладный ветер тут же ударил в лицо, растрепав платья на их плечах и выбив из прически Амелии последнюю шпильку. Она машинально подняла руку, пытаясь поймать ее в темноте, но заколка уже исчезла в складках тикового настила. Женщины остановились у самого фальшборта.

Мишель первой нарушила молчание. Ее руки легли на холодное дерево перил, пальцы побелели от напряжения.

- Я горячо признательна тебе, - произнесла она. Её взгляд упал на дрожащую лунную дорожку на взволнованном море. - До нашей встречи я не могла найти себе места. Меня переполняли эмоции.

Амелия ответила вымученной улыбкой. Ветер трепал край её легкого шелкового платья, заставляя ткань липнуть к коленям. Ей был необходим воздух – острый, соленый, способный вымыть из легких запах табачного дыма и чужой неловкости.

- С самого начала нашей встречи я видела, как тебе плохо. – Амелия обхватила плечи Мишель, - Однако, если тебе вдруг покажется, что ты слаба – отбрось мысль; ты сильнее, чем кажешься.

Солнечные пятна от круглого иллюминатора играли на лбу Мартина, заставляя щуриться. Он с трудом разлепил веки - каждое движение отдавалось тупым эхом во вчерашнем виски. Голова гудела тяжелым колоколом, а ритмичное постукивание трубы где-то в стене ванной теснило виски; головные боли по-прежнему отдавали колким ударом молотка прямо за глазами яблоками.

Простыни пахли чужими духами - терпкими, цветочными, совсем не похожими на легкий лавандовый шлейф Амелии. И подушка была слишком жесткой. Осознание ударило холоднее утреннего сквозняка. Он резко сел на кровати, отчего комната опасно поплыла перед глазами. Пальцы судорожно сжали край одеяла.

- Амелия!.. - хрипло вскрикнул Мартин, сам пугаясь собственного голоса. Горло драло так, словно он глотал битое стекло. - Амелия, ты меня слышишь?

Шум воды в раковине стих. Раздался тихий скрип кафельной плитки.

- Какая Амелия? - голос прозвучал низко, с легкой сонной хрипотцой. Из двери ванной в закутанном белом полотенце вышла женщина. Это была та самая незнакомка со шлюпочной палубы, которую Чарли толкнул плечом ночью. Вторым полотенцем она методично, без всякой спешки высушивала свои длинные каштановые волосы. Капли воды срывались с прядей и падали на белый гостиничный ковролин.

- Я Николь. Забыл уже?

Он сглотнул вязкую слюну. В памяти всплывали обрывки: взрыв смеха девушек, оступившийся Чарли, чей-то протестующий возглас, темнота чужой прихожей... Он помнил только то, как рухнул на первую попавшуюся кровать, даже не сняв ботинок.

Мартин машинально натянул одеяло до подбородка, чувствуя, как краска стыда заливает шею.

- Прости, ради бога, - просипел он, закрывая глаза рукой от бьющего сквозь иллюминатор света. - Я думал... я просто перепутал каюты. Вчера было очень темно. Мы с Чарли искали своих жен.

Николь остановилась у изножья кровати. Она перестала вытирать волосы и теперь просто смотрела на него сверху вниз. Уголки её губ дрогнули в едва заметной усмешке.

- Кто такой этот Чарли? – Николь присела на мягкое кресло. Она небрежно перекинула влажное полотенце через плечо. - Искать жену в моей постели - это довольно радикальный способ наладить отношения, тебе не кажется? К тому же..

Мартин почувствовал, как горят кончики ушей.

- Что к тому же?

- Ты был пьян настолько, что не следил за собой.

Он раскрыл рот, но слова застряли в пересохшем горле.

- Я.. Я тебя трогал? – сердце стало биться четче, переходя в неровный, болезненный ритм.

- И не только, - Николь сладко зевнула, - Возможно, ты был мне послан с небес. Хотя кто знает.. Ты говорил во сне. Все время звал Амелию.

Она встала с кресла, подошла к морозильной камере мини-бара, достала куски льда и невозмутимым движением опустила в пустые бокалы. Лед сухо хрустнул. Мартин сидел неподвижно, лишь изредка шевеля пальцами рук; его взор был направлен в пустоту.

- Забыла сказать.. – Николь обернулась к нему. – Ранним утром к нам зашла молодая девушка. Искала своего мужа.

Мартин перестал дышать.

- Во что она была одета? Скажи мне..

Она опустила брови.

- Кажется, в легкое бежевое платье.

Не говоря ни слова, он поднялся. Ноги слушались плохо, колени подкашивались. Он поднял с ковра помятые брюки и рубашку, надел их и вывалился в коридор.

Коридоры палубы казались бесконечным лабиринтом. Утренний запах кофе бил в нос, вызывая тошноту. Каждый встречный стюард или пассажир представлялись ему судьей. Он дергал ручки дверей, наводя на мысль о сорок втором числе. На этом номере медная табличка блестела издевательски чисто. Из-за нее не доносилось ни звука.

Он припал ухом к дереву. Тишина. Глухая, плотная, тяжелая тишина человека, который лежит лицом к стене и делает вид, что спит, лишь бы не разрыдаться.

Мартин бросился к лестнице, ведущей на променад. Его взгляд метался по лицам людей, завтракающих у бассейна, читающих в шезлонгах, дремлющих в тени.

- Амелия! - крик сорвался с его губ сухим карканьем.

Он ворвался в главный салон. Официанты лениво протирали столы. За дальним столиком у панорамного окна сидела Мишель. Перед ней стояла нетронутая чашка остывшего эспresso. Она смотрела на море абсолютно пустыми глазами. Увидев растрепанного, бледного Мартина, она лишь едва заметно качнула головой - медленно, устало, без всякого удивления.

- Она сошла, - ровно произнесла Мишель. - В Аяччо. Сказала капитану, что ее внезапно вызвали семейные обстоятельства. Забрала паспорт со стойки регистрации десять минут назад. Чемоданы отправили в камеру хранения порта.

- Но мы же... мы должны были плыть до Неаполя... - прошептал Мартин, цепляясь за фальшборт, чтобы не упасть. Мир накренился.

- Видимо, для одного из вас путешествие закончилось чуть раньше, - холодно ответила Мишель, отворачиваясь обратно к окну. - Иди проспись, Мартин. От тебя пахнет чужими духами на весь левый борт. И кстати.. – ее пронизывающий взгляд был устремлен на Мартина, - Как там Чарли?

Судно вздрогнуло всем своим многотонным телом и замерло. Винты остановились. С тихим металлическим лязгом сработали швартовы. Они прибыли в Аяччо.

Крик расползся по всему кораблю - резкий, протяжный гудок сирены, оповещающий о швартовке. Звук вонзился в барабанные перепонки Мартина, выбивая остатки похмельной мути. Новые посетители первого рейса придерживали чемоданы, весело переговариваясь в ожидании трапа. Кто-то из команды уже спорил с портовым инспектором; кто-то высказывал свое недовольство задержкой завтрака.

- Нет... - выдохнул Мартин, глядя на открывающиеся ворота грузового отсека внизу. - Нет... Нет...

Сжав руками голову, в его сознании зазвенел нарастающий голос. Он ударил по Мартину с такой силой, что его душа на сей раз была сбита с ног.

- Подходите скорее! – все тот же член экипажа стоял у трапа, придерживая шляпу, - Добро пожаловать в наше увлекательное путешествие, полное тайн и небывалых событий, которые Вас ждут!

В твоём возрасте

Ноябрь обнажил ветви до черноты. После затяжного дождя гравийные дорожки превратились в грязь, и последние листья липли к подошвам. По парку медленно продвигались редкие прохожие, подняв воротники пальто. Холод стоял плотный, как сырая ткань - он забирался под одежду, напоминая о неизбежной зиме.

- Легко говорить о любви, когда не любишь сам, - пальцы Тома машинально коснулись затылка, сминая влажные от мороси волосы. - Кажется, так ты говорил?

Они обогнули пожелтевший по краям фонтан.

Уильям тяжело опустился на свободную скамью, глубоко вдавив набалдашник слоновой трости в мокрый асфальт. Он расставил колени, выдохнул облачко пара и посмотрел на внука.

- Говорил. И что с того?

- Мне кажется... - взгляд Тома зацепился за женскую фигуру у старой карусели. Его лицо на секунду стало абсолютно белым, словно из него разом выкачали всю кровь. Он сглотнул. - Мне кажется, я никогда не полюблю.

Уильям не шелохнулся. Только костяшки его пальцев, сжимающие резное дерево, побелели от напряжения.

- Надо же.

- Чему ты удивляешься? - голос Тома прозвучал слишком резко, выдавая спрятанную досаду.

- Тебе тридцать лет, Том. - Уильям наконец разжал хватку, взял набалдашник двумя руками, как рычаг, и поднял голову. Его глаза, выцветшие от возраста, смотрели без осуждения, но с тяжелой, накопленной десятилетиями усталостью. - И ты всерьез утверждаешь, что никогда не полюбишь?

- Звучит глупо, но я серьезно.

Том присел рядом; он прихватил край доски. Ветер рвал полы пальто, и от этого становилось еще тоскливее.

Свинцовый свет ноябрьского вечера ложился на морщинах Уильяма. В его голове ясно хранилась история, и воспоминания о ней согревали душу.

- Сколько было встреч.. - голос Тома зазвучал естественнее, - Встреч мимолетных и, на первый взгляд, нерушимых, что иной раз казалось, что она - та самая, в кой точно не усомнишься. Даже сейчас мы говорим о чувстве, которое не изучено до конца.

- Ты прав. Не изучено. - Уильям медленно подался на спинку деревянной скамьи. Его дыхание стало прерывистым. Прищурившись, он увидел на макушках деревьев очередные надвигающиеся тучи, - В мире всегда найдется место для любви. Будут ли это мимолетные встречи или долгие романы - разницы нет. Они всегда врезаются в памяти и остаются в нас, маленьких людях.

Том зажмурился, оперся локтями о колени и опустил лоб к ладоням. Ветер усиленно распахивал листья;

- В твоём возрасте, Том, я и подумать не мог, что смогу встретить давнюю любовь снова.

Он тогда жил в другом городе - далеко отсюда, на другом конце страны. Работал в небольшой фирме, снимал квартиру. В один из дней его направили в штат Мичиган. Документальные снимки наводнений прессе нужны были больше, чем бодрящий воздух. Поездка в другой штат была одной из первых в его начинающей карьере. С собой в поезд он взял блокнот с ручкой; записи или сложные, но сжатые формы из головы он хотел незамедлительно отмечать в нем, чтобы ничего не упустить.

В движении его мысли бились о минувшие дни. Через темное стекло вагона он смутно видел грозящее во тьме поле. Ночное дыхание земли накладывало особый отпечаток

для размышлений. Уильям переворачивал страницу одну за другой: мелкие наброски книжных строк, какие-то пометки улиц Детройта, среди которых отчетливым желтым цветом было выделено имя «Маргарет».

- Точно.

Он задержал на нём взгляд. Маргарет. Имя, которое он не произносил вслух больше десяти лет. Теперь оно снова встало перед глазами.

Детские, почти ребяческие интриги отозвались теплом где-то под диафрагмой. Он помнил о ней еще со школьной скамьи. Щеки залил трогательный румянец, и кровь жарко прилила к кончикам пальцев. Для него было ясно, что их встреча – если она вообще возможна - не забудется. Они вновь напомнят о себе: о тех событиях, которые впечатываются в жизнь намертво; о разговорах, которые когда-то вертелись на языке, но так и не были произнесены вслух.

Ближе к утру, когда поезд под давлением стоп-крана остановился, вокзал Детройта встретил его гулом и запахом мокрого угля. Коллеги, двое шумных репортеров из местной газеты, уже грузили аппаратуру в выдавший виды «Форд», не обращая внимания на косой ливень. Уильям же замешкался под навесом утренней грязи, разрухи и чужого горя. Привычка смотреть на мир через прямоугольник видоискателя не приносила ему облегчения.

Они ехали сквозь серый, промокший насквозь город. По пути на заднем сиденье он отмечал на блокноте человеческую трагедию; отмечал все, что видел без камеры: рябь на темной воде, несущие обломки мебели, оставленные машины.

Рукой Уильям пригладил влажные кончики черных волос. Имя Маргарет по-прежнему жгло карман его молочного пиджака. Не думая долго, он прикинул, что после запечатления необходимого материала у него будет пару часов, чтобы увидаться с ней.

На подъездах к пострадавшему району вода доходила колесам почти до ступиц. Машина встала; дальше пришлось идти пешком, закатав штанины. Вода была обжигающе холодной, а дно устилало битое стекло.

На месте происшествия царил хаос, снятый на черно-белую пленку реальности. Дома напоминали гниющие зубы - их фундаменты подмыло, и стены опасно накренились, готовые рухнуть от любого толчка. Щелчок затвора прозвучал непривычно громко. Кадр был сделан.

Дождливое утро перетекло к помутненному дню. Он стоял у телефонной будки. Кто-то позади него кашлял, издавая хрипотцу. Уильям зажал тяжелую эбонитовую трубку плечом, прижимая к груди блокнот с подмокшими страницами. Пальцы, все еще онемевшие от ледяной воды, никак не могли попасть диском в нужное отверстие - шестеренка постоянно проскальзывала на влажном металле. Он бросил взгляд через плечо. Человек позади перестал кашлять и теперь просто смотрел на него пустым, выжженным взглядом бездомного, переминаясь с ноги на ногу в луже у края будки. В этом взгляде не было ни просьбы, ни угрозы, только бесконечное терпение существа, привыкшего ждать под чужими дверями.

- Да? – голос Маргарет на том конце провода казался до смешного обыденным, домашним.

- Это Уильям, - сказал он слишком хрипло и тут же прокашлялся, - Одноклассник. Если.. Если помнишь.

- Помню, Уильям. Да, конечно, - ее голос на этот раз задрожал, - Конечно, я помню.

- Я в Детройте.

- Знаешь мой адрес?

Резкий шум приближающихся машин надавил на барабанные перепонки Уильяма. Брызги луж окатили телефонную будку. Мужчина позади не шелохнулся.

- Адрес? – на секунду он замолк, прижав трубку пальцами. Его тело окутала неясная тревога. – Да, знаю.

- Тогда приезжай. Правда, приезжай.

На том конце провода повисла тишина, густая, как белый туман над городом. Щелчок отбоя ударил по натянутым нервам громче выстрела. Обойдя застоявшегося мужчину, Уильям поднял воротник молочного пиджака, который тут же потяжелел от впитываемой влаги. Вода мгновенно заполнила ботинки, сковывая лодыжки мертвым холодом. Впервые за долгие годы он почувствовал себя не сторонним наблюдателем с камерой наперевес. Он вытянул руку в противовес приближающейся машине. Она остановилась. Из стекла выглянул пожилой взгляд.

- Такси?

- Да.

Объезжая пару кварталов, он заметил, как районы становились тише. Разруха отступала, уступая место старым, приземистым домикам, которые стихия пощадила. Минуты тяжким бременем давили на виски Уильяма. Они завернули на ее улицу, узкую, заросшую узловатыми платанами.

- Мы подъехали.

С правой стороны стоял дом Маргарет. Уильям протянул купюру.

- Мы, развозчики, в такое время денег с людей не трясем, - водитель по-старчески улыбнулся.

Выйдя из машины, он выдохнул морозный пар изо рта и подошел к входной двери. Костяшками пальцев он прикоснулся к влажному дереву. Сердце на мгновение сжалось. Легкие, почти беззвучные постукивания, заполонили дом. Дверь плавно приоткрылась и перед его глазами выступила Маргарет. Двумя пальцами левой руки она придерживала ножку бокала красного вина. Она облокотилась о дверной проем и выдавила тень улыбки. Пронизывающий взгляд Маргарет парализовал Уильяма.

- Привет, Уилли. – Нахмутив брови, она добавила, - Ты изменился, но оно и к лучшему.

Он наконец вернулся в реальность; тело сполна ощутило холод измокшей одежды. Тепло объятий схлынуло так же быстро, как и нахлынуло, оставив после себя озноб Детройта. В ту же секунду она протолкнулась под его ребра: пряный запах ее шеи втерся в нос; нежная ткань голубого платья обвела его сырую шерсть пиджака, а руки, маленькие, как и она сама, прижали его к себе с такой силой, словно она ждала его не первый год.

Он не знал, куда деть кисти. Они повисли вдоль тела, как у подростка, который впервые стоит перед женщиной, боясь нарушить взаимный покой. Первое оцепенение прошло, и они отстранились. Уильям прихватил ее плечи, глаза Маргарет начали робеть.

- Я могу зайти?

Недопитый бокал вина выскользнул с ее палец и рухнул наземь. Бордовая жидкость залила деревянную ступень.

- Я подниму его сама.. Позже.

Аромат женского парфюма захлестнул Уильяма, когда они вошли в дом. Это была тяжелая, густая смесь сандала и чего-то сладкого - запах женщины, которая давно живет одна, но продолжает покупать дорогие духи для себя самой. В прихожей горел тусклый свет, отбрасывая на обои причудливые тени от вешалок. Он скинул с себя пиджак, пропитанный затхлой влагой, и повесил на крючок. Намокшие записки свисали с переднего кармана.

Маргарет завернула в зал. Она подошла к чайнику и задержала дыхание; на ее бледном лице осел холодный, слегка рассеянный свет. Уильям медленно ступал мокрыми носками по скрипящему полу, оставляя следы. Он присмотрелся на каминную полку. Там, среди виниловых пластинок, стояла фотография в простой деревянной рамке.

- Ты помнишь? – ее глаза задрожали.

- Помню, - В черной пленке он увидел себя с одноклассником. Уильям прокашлялся. Детройт напомнил о себе.

- Вы тогда были первыми в школе, кому удалось выиграть матч по регби у.. - Маргарет остановилась.

- У команды Орлов, - добавил он.

- Прости, - теперь ее взгляд был прикован к нему. – Я вечно забываю команду, хотя события того времени помню точно.

Уильям оскалился. В его горле пересохло. Кашель не унимался.

- Если помнишь, почему не написала?

Пальцы машинально надавили на уголок рамки. Маргарет разлила по стаканам чай и подошла к нему. Они оба выдохнули.

- Я боялась, Уилли. – она посмотрела на него снизу вверх. – Боялась того, что могу быть отвергнутой.

- Чушь. – он схватил стакан чая и присел на кресло. Маргарет подбежала к комоду и достала книгу в твердом переплете. Кончиками пальцев она пролистнула пару страниц. На ее лице выступил жар; взгляд забегал, а голос затрепетал.

- Вот же, - ее ноготь указал на голову Уильяма Брауна, - Я хранила это с собой, Уилли.

Он замер, не донеся стакан с горячим чаем до губ. Пар свисал над фотографиями альбома. На глянцевої странице в кадре стоял юноша с детской ухмылкой. Сбоку ютилась почти выцветшая надпись «Билл».

- Билл.. – выдохнул он. Его собственное имя прозвучало как чужое.

Маргарет нависла над ним. Ее руки до боли бледные при встрече, переняли красный оттенок.

- Ты всегда говорил, что ненавидишь, когда тебя называют Билл, - прошептала она. Ее щеки покрылись лихорадочным румянцем.

Он вновь обратился к фотографиям. Только на одной из пяти в дальнем углу стоял он – зажмуренный, от палящего солнца, совсем юный и веселый. Его рука лежала на плечах Уильяма Брауна, а тот, как и во всех снимках, никогда не подавал виду близости дружеских отношений.

- Мне нужно уехать, Маргарет. – Почти сухо произнес он. – Мой поезд скоро отъедет.

- Да.. Конечно, - она встала, примяла рыжие волосы и отвернулась к окну. – Я понимаю.

Холодный свет разделял их, как и в начале встречи. Уильям поднялся; в коридоре схватил пиджак и надел пропитанные ботинки. Бодрящая прохлада оглушила его ступни. Выйдя на улицу, он обернулся. Она стояла у порога, прижав альбом к груди. На ступени все еще темнело разлитое вино.

- Спасибо за чай, Маргарет, - он изобразил улыбку.

Она кивнула.

Капли дождя стекали с плеч Тома. Дождь усилился. Его волосы, уложенные ранее, растрепались.

- Что было дальше? – он поднял голову и посмотрел на деда. Его зрачки расширились, а кожа, спрятанная в пальто, побелела.

На лице Уильяма не дрогнул ни один мускул. Он оперся о трость и схватился за подлокотник скамьи, чтобы подняться.

- Пойдем домой, Том. У меня ноги мерзнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.